

Геннадий Гусаченко

Раскаятие

Осенним дождливым вечером Настя Уварова, продавец в одном из московских гастрономов, то и дело поглядывала на стенные часы. До закрытия магазина оставались считанные минуты, когда к её прилавку подбежал запыхавшийся паренёк в забрызганных джинсах, в заляпанных грязью кроссовках, в мокрой, прилипшей к узким плечам футболке. Стесняясь, попросил:

– Мне колбасы докторской, двести грамм, пожалуйста.

Девушка в синей форменной блузке небрежно поелозила тряпкой по прилавку, смахивая крошки, и торопясь уйти, неодобрительно подумала: «Вот ещё... Чудо в перьях... Принесло тебя». Взвешивая кусок колбасы, усталым взглядом окинула запоздалого покупателя. Его взъерошенный вид позабавил её. Он и в самом деле напоминал мокрого серого воробышка. Короткие рыжеватые волосы топорщатся на затылке. Лицо усыпано веснушками, и нос похожий на клювик, над которым громоздятся выпуклые стёкла очков с большими дужками, зацепленными за оттопыренные уши. Подавая ему свёрток с колбасой и два рубля сдачи, молоденькая продавщица хихикнула в кулачок.

– Чему вы смеётесь? – робея перед красивой девушкой, смущённо спросил он.

– Да так... – пожалала она плечами, улыбаясь ярко накрашенными губами. Её синие глаза смотрели на него насмешливо и даже чуть нахально, сказывалась привычка хамить толпившимся в очереди покупателям. – Студентик, небось... Изголодался бедный... Стипон получил и бегом в магазин...

– Нет, мама послала купить к завтраку. Да, верно... я студент... Третий курс, археологом буду. – И неожиданно для самого себя, наклонив голову, промямлил, словно школьник, плохо выучивший урок.

– Позвольте представиться: Славик!

«Доходяга, а туда, куда и все – знакомиться», – подумала Настя. – Тебя что, Сла-а-вик, дома не кормят? Такой заморенный, – без стеснения разглядывая юношу, с иронией спросила продавщица. Имя Славик она произнесла нараспев ласково, будто погладила малыша по головке.

– Мама говорит, у меня конституция такая, к полноте не склонная. А вообще я спортом занимаюсь.

– Шахматами, наверно?

– Да, вы угадали.

– Не трудно догадаться... Славик...

Славиком его называли в детском садике, в школе, дома, в университете. Он не обижался, но сейчас вдруг до него дошло, что не солидно взрослому человеку представляться детским именем.

– Вячеслав Медунов, – опять с поклоном сказал студент.

– Ты бы ещё ножкой шаркнул... Славик! – насмешливо сказала продавщица.

– А вы ... Анастасия? На пейджике у вас написано...

– Можно проще: Настя, – без жеманства, равнодушно ответила Настя, ей уже наскучил этот невзрачный студент. Не замечая его присутствия, она посмотрела на часы, облегчённо вздохнула: всё, конец изнурительному рабочему дню.

Студент нерешительно топтался у прилавка. Подавленный силой вспыхнувшего в нём волнующего чувства к пышногрудой красавице в голубой фирменной блузе, хотел что-то сказать, но никак не мог насмелиться. Красивая девушка явно не обращала на него внимания. В суматошной суете рабочей смены она привыкла ловить на себе восхищённые взгляды парней, как всегда, мимолётные, ничего не обещающие, без намёков на знакомство. Ей и невдомёк, что парни те, рослые и сильные, не в пример тщедушному Славику, не решались заговорить с ней о свидании из боязни получить презрительный отказ. А она ждала, надеялась, что какой-нибудь молодой человек приятной наружности пригласит в кино, в кафе, в городской парк на танцы, в музей или даже в театр, предложит прогулку на теплоходе по Москва-реке. Нет. Никто до сих пор не рискнул приблизиться к ней из страха обжечься, потерпеть постыдную неудачу в попытке познакомиться, произнести избитую фразу: «Что вы делаете сегодня вечером?» Так ночные мотыльки тычутся в стекло горячей лампочки и тотчас отлетают. И вот перед ней с явным намерением познакомиться стоит плюгавый, сутуловатый, скукоженный очкарик, будто пришибленный, воззрился блёклыми глазами, увеличенными линзами.

– Чего уставился? Всё, Славик! Давай, топай ножками... – сказала она резким грубоватым тоном, каким обычно выкрикивала: «Не занимайте очередь! Докторской больше нет!»

Он ушёл, томимый вспыхнувшей в нём любовью, пронизавшей несчастного студента от макушки до пяток, ёкнувшей где-то глубоко внутри. Грубость красивой продавщицы, так не вязавшаяся с её обаятельной внешностью, ничуть не оттолкнула его. На следующий вечер Славик пришёл опять. Дорогой, шоколадного цвета костюм-тройка, белая нейлоновая сорочка, модный галстук, японский складной зонтик

выдавали в нём сына обеспеченных московских родителей, того самого, богатенького, о котором грезилось в девичьих мечтах.

– По какому случаю праздничный наряд, Славик? – насмешливо спросила Настя.

– Что вы делаете сегодня вечером? – с мужеством парашютиста перед первым прыжком спросил Славик.

– Вечером? – хмыкнула она. – да ничего. Пойду в общежитие... Посмотрю фильм «Москва слезам не верит». Про таких, как я...

– Про каких? – с наивностью москвича, не озабоченного пропиской в столице, удивлённо поинтересовался Славик.

– Как про каких?! Про лимитчиц... Так, кажется, прозывают здесь девушек из провинции?

– Ах, да... Конечно... Можно, я провожу вас сегодня после работы?

– Ладно... Погуляем... Всё равно эту кинокартину я уже наизусть выучила.

Минут десять, показавшихся ему вечностью, он прождал её у стеклянных дверей магазина. Но вот Настя вышла в простеньком платье, в дешёвых босоножках, с копной начёса белокурых волос под лёгкой газовой косынкой, взяла его под руку. Моросил дождь. Славик раскрыл над ней зонт, и они пошли к Москва-реке, долго гуляли по набережной. Славик увлечённо рассказывал о находках археологов в пирамидах фараонов. Настя рассеянно слушала, с завистью глядя на высотные дома. «Как, должно быть, прекрасно живётся в них», – размышляла она и, не вникая в смысл слов спутника, время от времени кивала головой.

– После окончания университета вплотную займусь египтологией, – поделился Славик своими планами на жизнь, – напишу диссертацию о сокровищах египетских пирамид.

Она многое не понимала из того, что ей с жаром объяснял студент, ей было скучно, оживлялась она лишь при словах о сокровищах гробниц.

– И ты найдёшь в них золотые украшения?

– Вряд ли... Много гробниц уже разграблено...

– А-а, – разочарованно протянула Настя. – Ты москвич? – переменяла она тему разговора.

– Конечно...

– А кто твои родители?

– Папа – профессор мединститута... Мама – директор школы...

– Братья, сёстры у тебя есть?

– Нет, к сожалению...

– Наоборот, хорошо... Всё тебе одному... У вас хорошая квартира?

– Четыре больших комнаты... смотрят окнами на проспект Горького... А почему ты спрашиваешь?

– Хм... Живут же люди, – хмыкнула Настя. – Мне пора в общежитие, а то вахтёрша двери закроет.

– Я приду завтра? – с надеждой в голосе спросил Славик, когда они подошли к остановке троллейбуса.

– Ладно... Всё равно вечером ничем не занята, – махнула она рукой.

Они встречались в течение месяца каждый вечер, и однажды, уклоняясь от его длинного носа, она ответила на его поцелуй прикосновением холодных губ.

– Чтобы не испачкать тебя помадой, – объяснила она свою бесстрастность, позволяя целовать и обнимать себя. Он притянул её к себе, горячо целовал в шею, в глаза, в волосы, пахнущие духами «Ландыш», бессвязно твердил:

– Люблю... Люблю... Люблю...

Она отворачивалась, но, обхватив за талию тонкими цепкими руками её податливое тело, он, задыхаясь от счастья, повторял:

– Люблю... Люблю... Люблю...

Настя была очаровательной девушкой, про каких говорят: «Всё при ней. Не поспешил Бог на создание столь приятно-го глазу существа». Такие обаятельные красотки чаще всего рождаются в деревнях, далёких от города. Среди цветущих лугов, в окружении чистых лесов они вырастают с полным набором всех тех качеств, которыми, собственно, и определяется женская красота: упругая грудь, пышные волосы, стройная фигура, выразительные глаза на миловидном личике. В селе, разорённом горбачёвской перестройкой, где не было никакой работы, выпускнице средней школы Насте Уваровой ничего не оставалось, как уехать из родных мест. Как многие сверстницы, она подалась искать счастье в Москву. Не имея денег, дорогих нарядов и украшений для посещения ресторанов, театров, богатых тусовок, где можно встретить отпрыска состоятельных родителей, у неё не было шансов встретиться с каким-нибудь сынком генерала, дипломата, депутата Госдумы, влиятельного чиновника, бизнесмена, который бы полюбил и женился на ней.

Возвращаться в деревню, влачить там жалкое существование, прозябать в общежитии не хотелось. Она дала согласие студенту Вячеславу Медунову на его предложение выйти за него замуж. «Во всяком случае пропишусь в квартире его родителей, а там видно будет, что и как», – решившись на брак с нелюбимым мужчиной, прикинула в уме продавщица гастронома Настя Уварова. В ту злополучную осень ей исполнилось восемнадцать лет.

И однажды, когда дворники не успевали сметать с тротуаров жёлтые листья, Вячеслав привёл Настю к себе домой и к неопишуемому ужасу изумлённых родителей объявил:

– Папа... Мама... Это Настя... Моя невеста... Мы решили пожениться.

Заслуженный учитель школы РСФСР Вера Ивановна Медунова после слов любимого чада схватилась за голову, бессильно опустилась в кресло. Доктор медицинских наук Николай Сергеевич Медунов усталился на сына разъярённым взглядом быка, перед которым помахали красной тряпкой.

– Ты что удумал, шельмец? А учёба? Закончи сначала университет... Да я вас в дом не пущу! И на какие шиши собрался жить с этой...

Николай Сергеевич не договорил, прерванный скоропалительным ответом сына.

– Будем жить на съёмной квартире. Я пойду подрабатывать грузчиком на оптовую базу. Настя работает продавцом в продмаге... Проживём...

– Грузчиком?! Да ты посмотри на себя! У тебя сил хватает лишь на то, чтобы двигать пешки на шахматной доске!

Вера Ивановна, оправившись после губительного для неё известия, вскинулась с кресла с гневными словами в адрес невесты.

– Ах, вот как! Твоя избранница – продавец?! И, конечно, лимитчица! Здорово придумала выйти замуж за москвича, получить прописку в его квартире! Окрутила нашего балбеса и довольна! Интересно знать, из какой ты деревни, потаскуха? – с презрением бросила в лицо красивой избраннице сына будущая свекровь.

– Из Калиновки, – просто ответила Настя. Уверенная в любви жениха, ничуть не обиделась на нерадушный приём. Вячеслав взял её за руку, провёл в свою комнату и прикрыл дверь, за которой слышался громкий истеричный хохот Веры Ивановны.

– Ха-ха-ха! Из Калиновки! Явилась – не запылилась! Лимитчица! Из Калиновки! Нет, вы только подумайте! Про-

давщица в гастрономе! Достоянная партия будущему учёному, – со слезами на глазах выкрикивала Вера Ивановна. Как мать она не сомневалась в достоинствах любимого Славика и прочила ему карьеру известного учёного.

Скоро, однако, финалом семейной драмы Медуновых стала свадьба Вячеслава и Насти. Изливаясь в горечи, отец и мать, подавленные решимостью сына уйти от них, в безысходном отчаянии уступили его настояниям жениться на продавщице. Брачное торжество состоялось в уютном студенческом кафе «Интеграл», где большинство гостей составляли однокурсники Вячеслава. Свадебная церемония стоила его родителям больших затрат. К великой радости Вячеслава его свидетелем был бывший одноклассник Вадим Князев, курсант военно-морского училища, приехавший на каникулы. Друзья сердечно обнялись. Вячеслав представил будущую жену.

– Познакомься... Настя... Моя невеста... Без пяти минут жена...

Восхищённые взгляды, которыми красноречиво обменялись Настя и Вадим, сказали бы всякому искущённому в делах сердечных: эти двое влюбились друг в друга. Ещё бы! Красавец моряк с синим гюйсом на голландке, погончики с золотистыми якорями на них, нашивки – «галочки» третьекурсника, тельняшка, обтягивающая сильный, крепкий торс, короткая стрижка слегка вьющихся чёрных волос, волевое, мужественное лицо. И глаза, выражающие страстное чувство: чёрные, жгучие, пронизывающие насквозь, лучистые и весёлые, притягивающие к себе того, кто в них смотрит. А смотрели в них пристально и с потаённой завистью синие глаза очаровательной невесты Насти, которые она отвела не без сожаления.

– Горько! Горько! – дружно скандировали гости, и Настя, кося глазами на сидящего рядом с женихом его друга, нехотя целовалась с будущим мужем.

С той поры, когда Настя к нескрываемой неприязни отца и матери Вячеслава вошла в их квартиру, минуло пять лет. Почти ежедневно испытывала она ненависть злобной свекрови. Вера Ивановна попрекала сноху отсутствием образования, стыдила работой в магазине, выражала недовольство нелюбовью к её дорогому Славику, о чём догадывалась, наблюдая за отношениями молодожёнов, вследствие чего, как полагала свекровь, у них до сих пор не родился ребёнок. Вячеслав окончил университет с красным дипломом, поступил в аспирантуру. На вопросы матери о деторождении отшучивался:

– Рано ещё нам иметь детей... Надо пожить для себя. Диссертацию пишу... Пойдут пелёнки, распашонки, прогулки, ясли – некогда мне сейчас этим заниматься.

Вячеслав лукавил. После медицинского обследования врачи вынесли вердикт: «бесплоден». Трудно сказать, что больше взволновало Настю: известие о невозможности иметь ребёнка от нелюбимого мужа или предлог покинуть его. Она долго тяготилась этими важными для неё вопросами, но так и не нашла ответа на них, смирившись с участью несчастной женщины.

Вячеслав, научный сотрудник института истории и археологии, мало озадаченный подавленным настроением всегда хмурой жены, укатил в длительную командировку в Египет. Настя получала от него посылки, сопровождаемые подробным описанием их содержимого и с просьбой бережного к ним отношения. «Это бесценные вещи. Раритеты древней цивилизации, – объяснял он в письмах. – Ты там поаккуратнее с ними». Настя брезгливо вытряхивала почерневшие кости, битые глиняные таблички, испещрённые значками, осколки керамических кувшинов, отвратительные маски и прочее «добро» в письменный стол мужа, нисколько не заботясь о их сохранности. Стараясь как можно меньше времени оста-

ваться дома наедине с ворчливой свекровью, рано уходила на работу, не торопясь, как прежде, возвращалась, запиралась в своей комнате. Настоящей пыткой, испытанием нервов были субботы и воскресенья, когда приходилось выслушивать бранные выкрики Веры Ивановны. «Заслуженная – контуженная», как про себя называла её Настя, выйдя на пенсию, с утра до ночи шаркала шлёпанцами по квартире, непрерывно преграждая своими тучными телесами входы на кухню, в ванную, в туалет. В один из таких выходных дней «отдыха», в прихожей раздался звонок. Вера Ивановна с радостным возгласом «Славик приехал!» кинулась к двери, открыла и сникла: перед ней стоял красивый военно-морской офицер.

– Вадим?! Ты?! – растерянно, с сожалением в голосе, проговорила Вера Ивановна.

– Капитан-лейтенант Князев! Здравствуйте, Вера Ивановна! – вскинув руку к фуражке, бойко и весело отрапортовал офицер.... С Камчатки на Север еду к новому месту службы... Проездом в родной Москве, решил старого друга проведать... Кстати, где Славка? Не терпится повидаться с ним.

– В Африке он... Не скоро, видно, приедет. Всё в гробницах роется, будь они неладны...

– Бедные фараоны! Нет им покоя от будущего светила египтологии, – рассмеялся Князев. – О, кого я вижу! Настенька! – воскликнул он, увидев вышедшую из комнаты жену друга. – Рад видеть вас!

– Здравствуйте, Вадим, – в волнении подала она руку.

Вера Ивановна засуетилась с чайными чашками, но Вадим отказался присесть за стол.

– Раз Славки нет, побегу тогда... Три дня в моём распоряжении... Хочется побродить по тропинкам, по знакомым переулкам... Но как всё изменилось... Высотные дома там, где раньше мы гоняли на велосипедах, играли в футбол.

Настенька, может, составите мне компанию, а то в новом микрорайоне я могу заблудиться...

Она вспыхнула просиявшим на её лице счастьем пройтись по улице с тем, о ком часто с тоской вспоминала все эти годы.

– Хорошо, я сейчас, – с готовностью, больше чем требовали приличия, ответила Настя. Под придирчивым, подозрительным взглядом свекрови торопливо подкрасила губы, взбила перед зеркалом волосы, sprыснула их французскими духами, привезёнными Вячеславом из Парижа, сунула ноги в изящные туфли на шпильках, схватила с трюмо модную сумочку и первой выпорхнула за дверь.

Был солнечный май. В парке не спеша прохаживались беззаботные москвичи. В пруду безбоязненно плавали дикие утки, дети и взрослые бросали им хлеб. На газонах желтели нарциссы, пламенели настурции, пахло тополиной клейкой листвой, повсюду слышались весёлые голоса малышей, их пап и мам. Всё вокруг дышало свежестью, благоухало ароматом весны, вселяя в сердца тепло и любовь, а в души надежду и веру.

Не сговариваясь, влекомые друг другом, Вадим и Настя скоро оказались в укромном месте в тени сумрачной ели, раскинувшей над ними тёмные мохнатые ветви.

Вадим, оторвавшись от её сочных губ, не разжимая объятий, с жаром проговорил:

– А знаешь что... Давай ко мне домой... Ты как?

Настя достала платочек, стёрла с его лица помаду. Она ждала этих слов. Слезинки заблестели в её лазоревых глазах, лучше слов выразили согласие пойти с ним куда угодно. Вадим схватил её за руку и, сгорая от любовной страсти, они устремились на стоянку такси.

Несколькими часами позже Вадим, ласково оглаживая ей волосы, ниспадавшие ему на грудь, спросил:

– Как ты жила все эти годы?

– Заочно училась в институте торговли.. Сейчас работаю товароведом в райторготделе... Как жила, спрашиваешь? Вера Ивановна и Николай Сергеевич ненавидят меня, считают, что я отравила жизнь их несравненному Славику. А и то, правда... Не люблю его и безмерно рада, когда он уезжает в экспедиции. Признаюсь... В минуты одиночества и скуки листала альбом с нашими свадебными фотографиями. На них есть ты... Я любовалась тобой, целовала твоё фото без всяких надежд на встречу. И вдруг! О, счастье! Глазам не верю! Ты рядом со мной не в мечтах, не во сне... Ты женат?

– Семья в Петропавловске-Камчатском... Как обоснуюсь в Северодвинске, Светлана с Вовкой приедут ко мне... Сыну пять лет... Жена преподаёт английский язык в школе.

– Ты счастлив?

– Давай не будем об этом... Ты замужем... Я женат...

– Конечно... – охотно согласилась она, не допуская даже в мыслях разбить семью Князева.

На другой год капитан третьего ранга Князев стал слушателем Академии Генерального штаба. Настя, а к тому времени – Анастасия Григорьевна, используя служебное положение, легко находила время для тайных встреч. В отчаянии обнаружив признаки беременности, она в страхе металась по квартире, тщательно скрывая под просторным халатом округлившийся живот. Не зная, на что решиться: уйти из дому, родить ребёнка или, напротив, избавиться от него, она в панике тянула время, избегая лицом к лицу столкнуться с Верой Ивановной. Свекровь с подозрением посматривала на сноху, и Анастасия выбрала последнее: пошла к врачу. В клинике ей объяснили, что сроки упущены, остаётся одно: рожать! Заиметь ребёнка в отсутствие мужа, принести нагулянного младенца в дом ненавистных её свёкра и свекро-

ви?! Нет! Это невозможно! Какой выход мог быть найден в сложившейся ситуации, трудно сказать, но Вера Ивановна стала жаловаться на боли в ногах. Врачи рекомендовали ей санаторно-курортное лечение. О путёвках в оздоровительные заведения на берегу моря, используя связи в здравоохранении Москвы, позаботился профессор мединститута Николай Сергеевич Медунов. Престарелые родители Вячеслава вдвоём укатили в Крым. Анастасия, находясь в декретном отпуске, оставшись одна, уже без зазрения совести посещала поликлинику. В сентябре Вячеслав известил телеграммой о скором своём приезде. Со дня на день могли вернуться из Ялты Вера Ивановна и Николай Сергеевич. Положение казалось катастрофическим. К счастью, в полночь Анастасия почувствовала приближение родов, позвонила «03», «скорая» примчалась незамедлительно. На рассвете в роддоме послышался слабый вскрик новорожденного. В палате для рожениц горько, навзрыд, плакала его мать, заливая слезами подушку. Акушеры знали, что она отказалась от ребёнка по причине обстоятельств, откровенно изложенных главному врачу. Седой доктор, медсёстры молча качали головами, не осуждая женщину, вынужденную поступить столь бесчеловечно.

– Вашего ребёнка заберёт бездетная семья... приличные люди, – попытался успокоить доктор бьющуюся в истерике Анастасию. Она перестала ломать руки, выть стонать, вскинулась с постели.

– Нет, только не это! Прошу вас! Никому не отдавайте моего мальчика! Пусть побудет какое-то время в больнице, в доме малютки, потом мы... Я и... отец его... Мы переведём его в детский дом... Мы будем негласно навещать его, заботиться о нём, следить за его воспитанием... Умоляю вас...

– Хорошо... Как скажете... Ваше право, – равнодушно сказал старый доктор: подобный случай не редкость в его врачебной практике.

Хлопоты о внебрачном ребёнке Князев взял на себя, назвал мальчика Кириллом Соколовым в память о товарище, погибшем в Баренцевом море. У старшего лейтенанта Соколова, воспитанника детского дома, не было родственников, что начисто лишало в будущем установить истинных родителей Кирилла, давало возможность Князеву скрыть подлог. Когда Кирилл подросток, Князев, навещая незаконно рожденного сына, представлялся ему дядей Вадимом, сослуживцем его отца.

– Твой отец, Кирилл Соколов, был смелый моряк, – рассказывал Вадим историю, случившуюся однажды в штормовом море. – За борт корабля упал матрос. Кирилл бросился в ледяную воду спасать его... Матроса подтащил к шлюпке, а сам утонул... Слишком холодная была вода...

– А моя мама... Где она, что с ней? – допытывался подросток.

– Как мне позже стало известно, она не вынесла горя и умерла... У неё, как и у твоего отца, не было родных... Тебе определили в детский дом...

Прошли годы... Капитан второго ранга Вадим Князев устроил Кирилла в Нахимовское училище. Кирилл успешно его окончил и поступил в Тихоокеанское Высшее военноморское училище имени С. О. Макарова. Ещё через пять лет капитан первого ранга Князев приветствовал своего воспитанника с присвоением ему лейтенантского звания. На плацу училища, где перед строем выпускников Кириллу Соколову вручили погоны и кортик, Князев не мог сдержать слёзы, катившиеся по его дряблым щекам. А как же?! Ведь это был его родной сын, брошенный при рождении матерью. В эту торжественную минуту ему так хотелось сказать правду, обнять Кирилла как сына, но тогда пришлось бы объясняться с женой Светланой, признаться в измене. На такое признание у бывшего моряка не доставало ни сил, ни мужества.

– Дядя Вадим, ты что плачешь? – не скрывая радости, спросил молодой офицер, блистая парадной формой.

– От счастья, Кирилл... От счастья...

Через пятнадцать лет с каменных ступеней дома отдыха «Тихоокеанский», медленно ступая, сошли двое пожилых людей: вице-адмирал в белом кителе, в фуражке с белым верхом, и тучная седая дама в голубом летнем платье, скрывавшем её больные ноги, с жемчужным ожерельем на пухлой шее, в шляпке, украшенной золотой брошью. Дама, сохранившая на лице черты былой красоты, комкала в руке носовой платок, то и дело прикладывая его к мокрым глазам. Вице-адмирал, толстый, обрюзгший, выговаривал ей:

– Ты сама настояла, чтобы я показал тебе Кирилла. Подумать только: тридцать семь лет прошло со дня его рождения! Все эти годы ты не видела его, а теперь вдруг в тебе заговорило чувство материнства. Может, не нужно лишний раз терзать себя, изводить ностальгией по прошлому?

– Нет, пойдём... Я должна увидеть его... Хоть издали...

Он услужливо, как, бывало, в молодости, открыл дверцу адмиральской чёрной «Волги». Дама, подобрав платье, взобралась на сиденье, машина качнулась, он сел рядом, машина опять качнулась от их грузных тел. Не было ни вздохов, ни поцелуев, ни поглаживаний её ноги выше колена.

– На тридцать шестой причал, – коротко, осипшим старческим голосом тихо произнёс вице-адмирал. – Давай, братец, – легонько хлопнул он по плечу водителя, молодого мичмана. И, повернувшись к спутнице, назидательно проговорил:

– Держи себя в руках, Анастасия... Из машины не выходи... Помни, ведь я сказал ему, что его мама умерла.

«Волга» подрулила к трапу большого противолодочного корабля. Князев, выйдя из машины, нетвёрдой поступью подошёл к вахтенному матросу, вставшему навытяжку перед адмиралом.

– Доложи, братец, командиру корабля, что вице-адмирал Князев ожидает его на пирсе.

– Есть доложить командиру, тащ адмирал! – лихо козырнул матрос и пулей взлетел по крутому трапу на корму.

Не прошло и минуты, как привычно отдав честь флагу, на пирс чуть не бегом сошёл капитан первого ранга Соколов. Они обнялись, и командир корабля, преисполненный радостью встречи, ухватил Князева за рукав кителя.

– Дядя Вадим! Товарищ адмирал! Прошу на борт моего корабля!

– Нет, Кирилл, не сейчас, дорогой... Заехал предупредить: буду сегодня в семнадцать ноль-ноль... Извини... Тороплюсь на встречу старых военморов...

– Дядя Вадим, – обнял адмирала Кирилл, – вы так много сделали для меня... Мне, порой, хочется называть вас не дядей, а отцом...

– А что... Я не против... Называй отцом... Ну, бывай... Сын... До вечера... Честь имею, товарищ капитан первого ранга!

– Честь имею, товарищ адмирал!

Князев уходил, чувствуя на себе благодарный взгляд сына. Еле передвигая ставшие непослушными ноги, он пошагал к автомобилю. В салоне «Волги», устланном ковром, прижимая к лицу мокрый от слёз платок, Анастасия Медунова смотрела в окно, всхлипывая шептала:

– Ох, дура я дура... Мой сын! Командир этого корабля! Что я наделала? Ох, дура я дура... Почему я не ушла тогда от Медуновых? Чего боялась? Ах, ну, да... Большая квартира в Москве... Дорогая мебель... Наряды... Кирилл Соколов! Мой сын! Тридцать семь лет не видела его... Какой красавец вымахал, а я, его несчастная мать, не могу прижать к себе родное дитя... Ох, дура я дура...